

© 2011 г. Е.С. Шереметьева

УДК 81.2

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРЕДЛОЖНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

Вопросы лексикографического представления служебных слов в целом и служебных новообразований в частности поднимались неоднократно и продолжают подниматься по сей день (Р.П. Рогожниковой, Г.Е. Крейдлина и А.К. Поливановой, М.В. Ляпон, С.П. Петруниной, Е.Г. Борисовой, Е.А. Стародумовой, Г.Ф. Гавриловой и Н.О. Григорьевой, А.С. Цоя). Такое внимание к лексикографии служебных слов связано не только с пониманием необходимости их словарного описания, но и с рядом связанных с этим описанием теоретических проблем.

Во-первых, с проблемой, которая на данном этапе считается решенной, но тем не менее периодически возникает в работах, посвященных служебным словам, – с проблемой наличия / отсутствия у служебных слов лексического значения как такового. Факт наличия у служебных слов лексического значения в целом признается, хотя и с некоторыми оговорками, касающимися характера этого значения [1]. Во-вторых, с проблемой «эквивалентов слова». Проблема эта касается не только служебной лексики [2], но нам важен именно «служебный» аспект данного вопроса. Класс служебных слов пополняется как за счет перехода в него слов (в первую очередь форм слов) знаменательных, так и за счет контаминации слов разных классов – и служебных, и служебных со знаменательными. Примеры первого пути: предлоги типа *по причине, в силу, в целях / с целью, в случае* и т.п. Примеры второго: союзы *да и то, да еще, не только – но и, в то время как* и т.д.; частицы *разве что, едва ли не, именно что* и др. И тот, и другой путь приводит к тому, что значительный пласт служебных единиц не соответствует представлению о слове, так сказать, «в чистом виде», поскольку они не отвечают критерию цельноо-

формленности. Эта проблема усугубляется еще тем, что появляется большое количество единиц неопределенной категориальной принадлежности, которые нельзя отнести ни к одному из трех классов служебных слов, часть из них тоже представляет собой «не совсем» слова, поскольку состоят из нескольких элементов (например, *в конечном итоге, в частности, в целом, в принципе, более того* и многие другие). Такие единицы Р.П. Рогожникова определила как «эквиваленты слова» [3, с. 4], тем самым придав этому словосочетанию терминологическое значение. Использование данного термина позволило выйти за рамки собственно фразеологии (а именно по отношению к фразеологическим сращениям в свое время применил это название В.В. Виноградов) и обратиться непосредственно к изучению свойств этих весьма разнородных единиц.

Следующая проблема касается объема и состава класса служебных слов. Названные выше пути пополнения этого класса вызывают вопросы о завершенности / незавершенности перехода слов из одной части речи в другую и соответственно вопрос о возможности фиксации каждой производной единицы как уже самостоятельной, отдельной от производящего или же еще находящейся в его рамках. Еще одна проблема – собственно лексикографическая: какую информацию о единице, в каком объеме включать в словарь и как, по какой схеме эту информацию представлять. В целом признается, что лексикографическое представление служебных слов должно отличаться от представления слов знаменательных, поскольку семантика служебного слова неразрывно связана со спецификой его функционирования. В то же время необходимо соблюдать общие принципы лексикографирования. На данный момент существует несколько специальных словарей, целью которых – полностью или частично – явилось словарное описание служебных слов. Словарь Р.П. Рогожниковой является первым словарем, в котором на правах эквивалентов слова – то есть в заголовочной позиции – представлено значительное количество единиц служебного характера. Его задачу автор определяет как «описание лексической и грамматической семантики каждого эквивалента слова, особенностей его функционирования и правильного употребления» [3, с. 9]. В основу словника «Словаря структурных слов» [4] положено незнаменательное, неноминативное функционирование слов: «Структурными называются слова, которые формируют реляционную, синтаксическую и модаль-

ную структуру текста. Большинство структурных слов характеризуется отсутствием знаменательности или ослабленной (вырожденной) знаменательностью» [5, с. 6]. Наряду с единицами, получившими в словаре частеречную квалификацию, в него введены слова, трудноопределимые с позиции «часть речи». Таким образом, данный словарь «явочным порядком» отражает порожденную реальной языковой ситуацией ситуацию теоретическую, сложившуюся в современной русистике.

Понятие «служебные части речи», ограничивающееся тремя классами – предлогами, союзами, частицами – оказывается неспособным отразить всего многообразия служебноподобных единиц. С другой стороны, выясняется, что возможно описание этого многообразия без обязательного отнесения той или иной единицы в один из существующих в традиционной русистике классов служебной лексики. Обязательное включение всех новообразований в один из трех классов не имеет объяснительной силы и, что очень важно, затемняет представление о самих классах, об их отличии друг от друга и о категориальных свойствах входящих в них единиц. Попытка включить в рамки того или иного класса все единицы, хотя бы в некоторой степени отвечающие признакам данного класса, ведет к необходимости изменения дефиниции той или иной части речи, причем обычно – в сторону расширения признаковой части. Например, предложение об изменении определения понятия «предлог», в частности, предложение о включении в сферу действия русского предлога именительного падежа [6, с. 23]. Подобное расширение, безусловно, позволит относить к классу предлогов такие единицы, как *а ля* или *по имени*. Вопрос заключается в том, внесет ли такое изменение ясность в наше представление о предлоге?

Необходимо признать на теоретическом уровне право на существование служебноподобных единиц, не отвечающих в полной мере признакам того или иного класса. Это позволит не тратить усилия на доказательство принадлежности «сомнительной» единицы тому или иному классу и сконцентрировать усилия на выявлении языковой специфики каждой такой единицы. Естественно, сказанное не отрицает необходимости как поиска критериев, определяющих завершенность процесса перехода слова в тот или иной класс, так и поиска терминов для наименования вновь создающихся классов. Кроме вопросов, связанных с отбором единиц и отнесением их к тому или иному клас-

су, существуют еще и вопросы, связанные с содержанием словарной статьи. В этом смысле имеется существенное различие между «Словарем служебных слов русского языка» (Владивосток, 2001) и всеми остальными из названных словарей. «Словарь служебных слов русского языка» представляет собой результат многолетних исследований, посвященных разным классам и группам служебных слов. Тем не менее в нем только 50 словарных статей, в которых представлены 50 служебных единиц – союзов, частиц и лексализованных предложно-падежных словоформ в служебной функции. Такое количественное несоответствие другим словарям (1200 единиц в словаре Р.П. Рогожниковой, 1500 – в Объяснительном словаре, 22 000 – в словаре Т.Ф. Ефремовой) объясняется принципиально иным подходом к представляемой информации.

Идея словаря, работа над которым продолжается, была сформулирована следующим образом: «Применительно к нашему материалу СЛОВАРЬ – это способ сообщить все, что нам на данный момент известно о представленном вокабулой элементе языка: его природе как в семантическом, так и в функциональном плане, его месте в системе и подсистеме, его отношении к нему подобным и одновременно (что особенно важно) о языковых явлениях, микросистемах и о языковых процессах» [7, с. 348-349]. Поскольку речь идет о словаре именно служебных слов, при подаче сведений о каждом слове должны быть учтены все его не только семантические, но и грамматические, а также коммуникативно-прагматические возможности. Таким образом, основной принцип данного словаря – разноаспектное описание служебного слова. В конечном итоге через каждое из описанных слов представляется определенный *фрагмент системы*. На данном этапе идет подготовка второго выпуска словаря. Теперь в его состав включается, кроме названных выше классов слов, еще один – отыменные релятивы. Отыменные релятивы – это слова и эквиваленты слов, по происхождению связанные с именем существительным и выполняющие синтаксическую функцию, подобную функции предлога. Термин «отыменные релятивы» используется нами [8] как по отношению к единицам, уже перешедшим в класс предлогов (производным предлогам, например: *по поводу, в целях, в случае*), так и по отношению к единицам, чья принадлежность к данному классу вызывает сомнения (с точки зрения завершенности процесса опредложивания), например: *в части, в адрес, по примеру, в форме* и др. Общим для всех единиц данного типа является функциони-

рование в определенных синтаксических позициях, соотносимых с позициями, свойственными предлогам.

Значение новых единиц выявляется – как и у «настоящих» предлогов – через окружение, а именно – через анализ сочетаемости слева и справа. Поэтому важным оказываются понятия «левый» и «правый» компонент и лексико-семантическая характеристика этих компонентов. При создании схемы словарной статьи для единиц названного типа мы учитывали необходимость создания таких параметров, которые бы подходили к образованиям разной степени предложивания и разного происхождения (производности), то есть и для собственно производных предлогов, и для их аналогов, как отыменных, так и отглагольных и наречных.

Словарная статья для производных предлогов и предложных новообразований состоит из двух частей — общей и специальной. Общая часть включает в себя следующие параметры (зоны): 1. Вокабула. 2. Типы употреблений. 3. Состав (количество элементов) лексемы. 4. Происхождение (отыменный / отглагольный / наречный / адъективный). 5. Базовое слово (знаменательная часть речи, на основе которой возникла описываемая служебная единица) и Гнездо (все существующие служебные единицы, возникшие на основе базового слова). 7. Синонимия. 8. Фразеология. 9. Стилистическая функция. 10. Норма. 11. Пунктуация. 12. Отмеченность в словарях и 13. Иллюстрации.

Специальная часть включает в себя две зоны: *Значение* и *Синтаксис*. Зона *Синтаксис* – центральная, состоит из подзон (собственно параметров описания): *Синтаксические структуры*; *Лексико-семантические типы* с дальнейшим дроблением на *Семантику* и *Сочетаемость*; *Функционирование предложно-надежного (релятивно-именного) сочетания в предложении / высказывании*.

Описание релятивов предложного типа (предложных новообразований, вторичных предлогов) отличается от описания первичных, первообразных предлогов. Двойственная сущность предложных новообразований, их функционирование, заставляющее смотреть на эти единицы как на служебные, – с одной стороны, и их производность, часто настолько явная, что вызывает возражения против отнесенности той или иной единицы к служебным, – с другой, приводит к необходимости анализа фактов с позиции как синтаксической, так и лексической. Тем не менее в словаре на первый план выдвигает

ется синтаксический аспект — в силу того, что в словник включаются единицы, проявившие признаки *служебности*. Поэтому все зоны словарной статьи для предложных новообразований, в том числе для отыменных релятивов, подчинены задаче выявления не только семантической, но и синтаксической специфики представляемых единиц. Некоторые из рубрик могут быть заполнены лишь для сравнительно небольшого количества новообразований, тем не менее они остаются в схеме словарной статьи для любой единицы, как постоянный параметр.

Например, в разделе *Синтаксис* подраздел *Синтаксические структуры* окажется неактуальным для большей части отыменных релятивов, так как они организуют лишь словосочетание. Однако данный подраздел необходим для таких вторичных предлогов и предложных новообразований, как *вместо, не говоря (уже) о, не считая, вроде, в лице*, которые организуют особый тип конструкции – трехчленную конструкцию.

Из разных синтаксических, а более точно – конструктивных – свойств описываемых единиц вытекает и различие параметров внутри лексико-семантических типов. Как уже было сказано, для всех предложных образований актуальна характеристика правого и левого компонентов конструкции, однако характеристика по параметру «общий компонент» («общий член») возможна только в том случае, если описываемая единица организует трехчленную конструкцию. Ср., например, разные синтаксические структуры, характерные для релятива *наподобие*: (а) *Антенны вот только подвели – обросли какими-то волосами наподобие мочала* (Стругацкие) и (б) *Глаза сверкали наподобие хирургических юпитеров* (Довлатов). В (а) релятив устанавливает отношения только между двумя компонентами: *волосы наподобие мочала*, эта синтаксическая структура соответствует словосочетанию. В (б) тот же релятив формирует отношения по двум линиям связи: *глаза наподобие юпитеров* и *сверкали наподобие юпитеров*, тем самым организуя трехчленную конструкцию, аналогичную трехчленной союзной конструкции со сравнительными союзами. При этом оказывается, что не все отыменные релятивы, которые можно было бы отнести к группе сравнительных, способны формировать трехчленную конструкцию. Такое положение дел требует ответа на вопрос, есть ли какие-нибудь ограничения, морфологические, лексические или семантические, касающиеся общего компонента трехчленной конструкции (в нашем примере

общим компонентом является глагол *сверкали*) или же функционирование данного или другого релятива в словосочетании или трехчленной конструкции определяется чем-то иным.

Трудность синтаксического представления предложных единиц в словаре заключается в том, что их семантика и их синтаксические свойства не всегда находятся в прямом соответствии. Несмотря на то, что производные предложные новообразования считаются однозначными (в противоположность полисемантическим непроизводным предлогам), многие из них проявляют признаки если не многозначности, то, по крайней мере, семантической вариативности внутри одного значения. При этом семантические различия не обязательно сопровождаются формально-синтаксическими. Например, у релятивов *наподобие*, *подобно* и *вроде* тип конструкции (словосочетание или трехчленность) не зависит от семантики: *наподобие* и *вроде* могут строить обе конструкции (и словосочетание, и трехчленную), а *подобно* – только трехчленную. И, наоборот, семантические разновидности не определяются типом конструкции: так, для названных трех релятивов характерны следующие разновидности отношений: метафорическое сравнение и включение. В то же время каждый из названных релятивов может оформлять и иные разновидности сравнительных отношений, но эти отношения уже оказываются не общими, а индивидуальными. Так, релятив *наподобие* формирует отношения аналогии (*На вернисаже вспоминали, что журнальные иллюстрации пересказывались наподобие политических анекдотов* – Моск. Новости), а релятив *вроде* – одну из разновидностей пояснительных отношений, а именно отношения конкретизации (*Хороших недель в жизни у меня было мало, плохих, вроде первой школьной, много* – Юз. Алешковский). Семантические различия обусловлены узким контекстом, то есть лексико-семантическими свойствами левого и правого компонентов.

Есть еще одна проблема, связанная с семантическим различием. Глубина семантического различия может быть разной. Например, отыменный релятив *на предмет* может оформлять отношения целевые (*прийти на предмет консультации*), объектные (*переписка на предмет командировки*) и объектно-целевые (проверка на предмет готовности к полетам). Отыменный релятив *по поводу* оформляет отношения причинные (*госпитализация по поводу анемии*), объектные (*переговоры по поводу сдачи оружия*) и объектно-причин-

ные (*дебаты по поводу изменения статей закона*) Возникает вопрос, как каждую из этих единиц расценивать: как одну или как разные единицы? В «Новом объяснительном словаре синонимов» подобный вопрос разрешается в сторону разъединения: многозначные единицы рассматриваются как отдельные лексемы и разводятся в разные словарные статьи.

Значение служебного слова определяется его сочетаемостью, выбор говорящим того или иного служебного слова и, следовательно, его сочетаемость предопределяется его значением. В результате исследователь оказывается в замкнутом круге, поэтому любое из решений – выделять каждое значение в отдельную словарную статью или же описывать их под одним заголовочным словом – имеет и плюсы, и минусы. По отношению к большей части фактов (за редким исключением) мы выбираем описание разных значений релятива в одной словарной статье. Такое решение принимается для единиц, семантические различия которых имеют промежуточную семантическую общность, то есть переход от одного значения к другому оказывается плавным. Например, существование объектно-целевых отношений у релятива *на предмет* и объектно-причинных у релятива *по поводу* заставляет представлять три вида отношений для каждой из названных единиц в одной словарной статье.

В заключение скажем, что освещенные в данной статье вопросы – это лишь часть проблем лексикографического представления служебных слов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиверстова О.Н. Имеет ли предлог только грамматическое значение? // Вопросы филологии. 1999. № 3.
2. Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3.
3. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречие, служебные, модальные единства. М., 1991.
4. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова. М., 2002.

5. Словарь структурных слов русского языка М., 1997.
6. *Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А.* К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2.
7. *Прияткина А.Ф.* Принципы словарного описания служебных слов. Опыт словаря служебных слов русского языка // Прияткина А.Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Владивосток, 2007.
8. *Шереметьева Е.С.* Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток, 2008.

*Дальневосточный
федеральный университет*

11 июля 2011 г.
